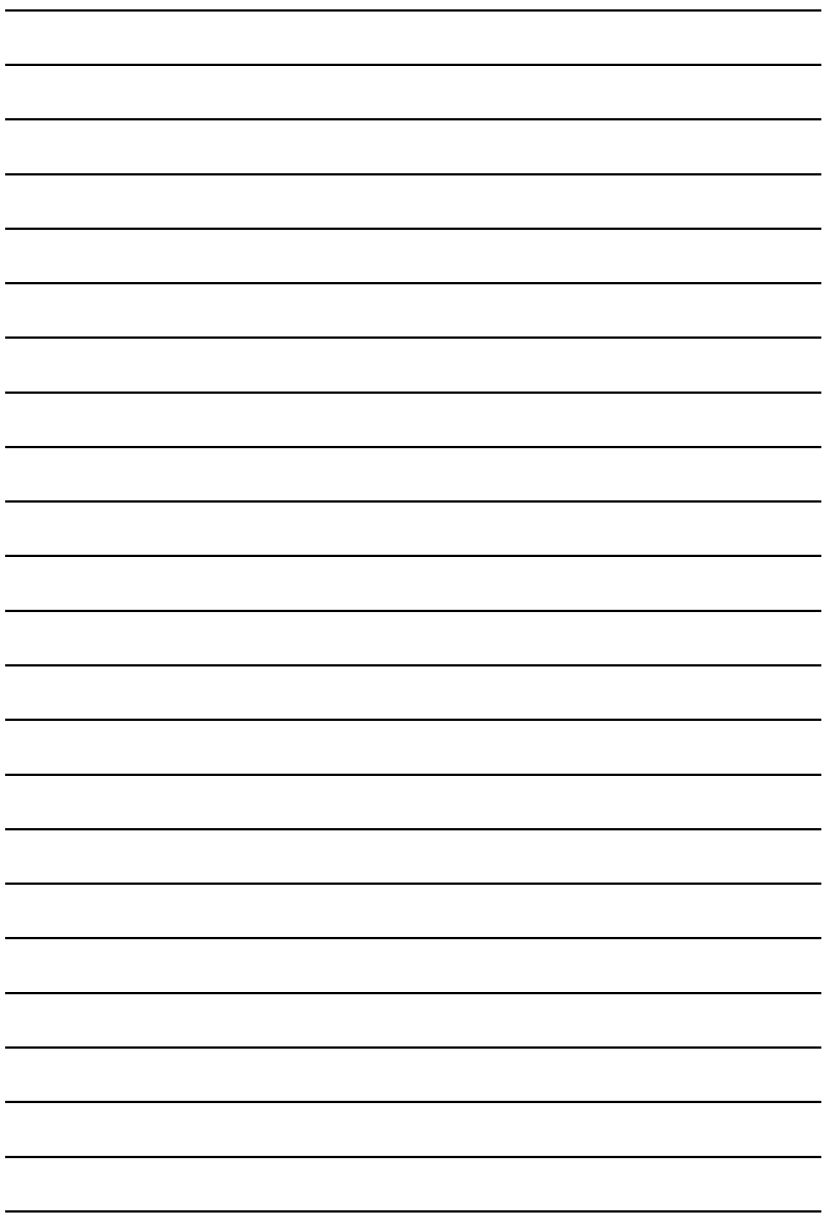

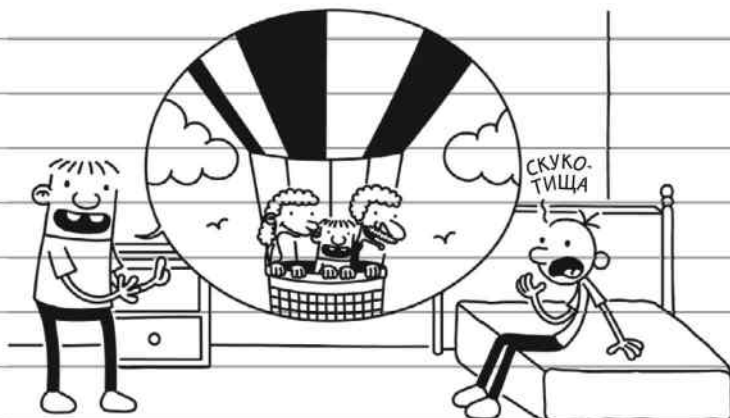
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭННИ

ДЕКАБРЬ

Воскресенье

Самое неприятное, что приходится делать, когда кто-то рассказывает тебе, как он отдыхал, — это притворяться, что ты очень РАД за него. Ведь никто не хочет слушать о развлечениях, в которых сам он НЕ участвовал.

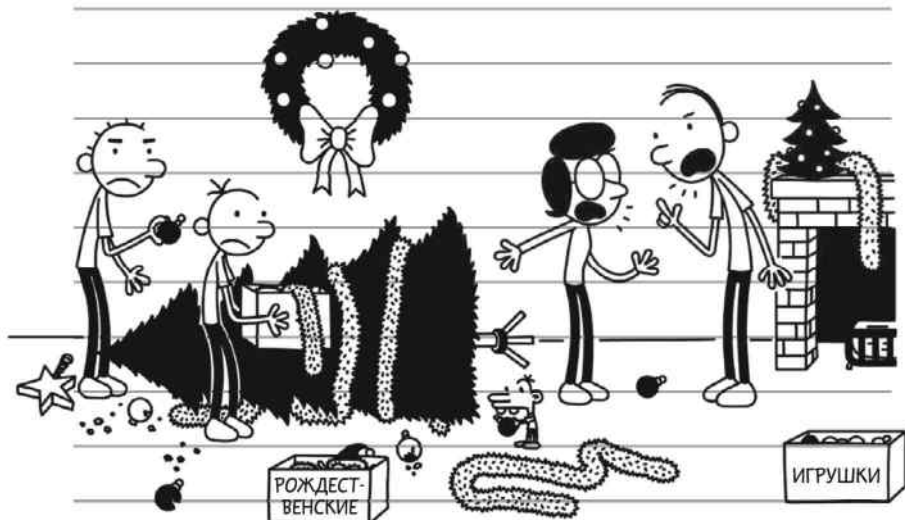
Я готов слушать только о том, как во время отпуска всё пошло НАПЕРЕКОСЯК. Тогда мне не так обидно, что я пропустил самое интересное.

Короче, наша семья только что вернулась с отдыха, и поверьте мне: если бы я мог остаться дома, я бы **ОСТАЛСЯ**. Но выбора у меня не было.

Несколько недель назад ничто не **ПРЕДВЕЩАЛО** этой поездки. Был обычный декабрь, и я с нетерпением ждал Рождества.

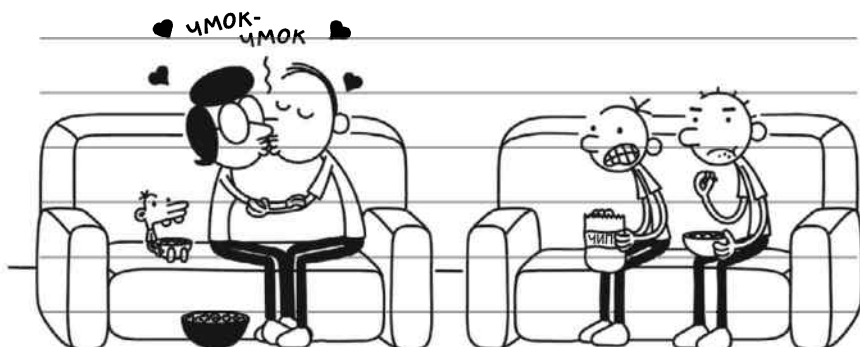
Родители очень переживали, что нам ещё многое нужно сделать, чтобы подготовиться к праздникам. Мы начали украшать дом с **БОЛЬШИМ** опозданием, и всё шло не так, как надо.

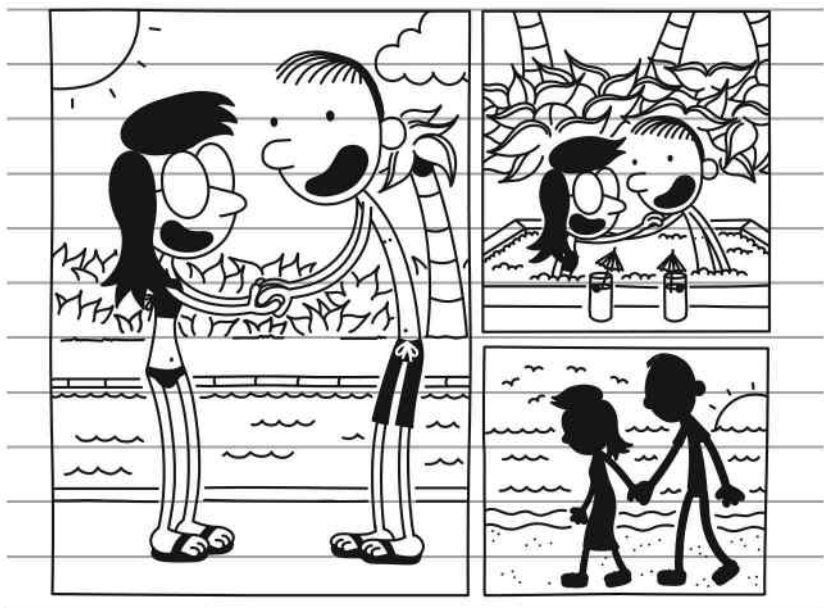
Я уверен, что к Рождеству мы бы успели. Но в один прекрасный вечер по телевизору пустили рекламный ролик, который просто ПЕРЕВЕРНУЛ с ног на голову наши планы на рождественские каникулы.

В этом ролике показали место под названием Коралловый остров, где родители провели свой медовый месяц. Я знаю об этом потому, что каждый раз, когда на экране появляется реклама этого острова, родители начинают целоваться как ненормальные.

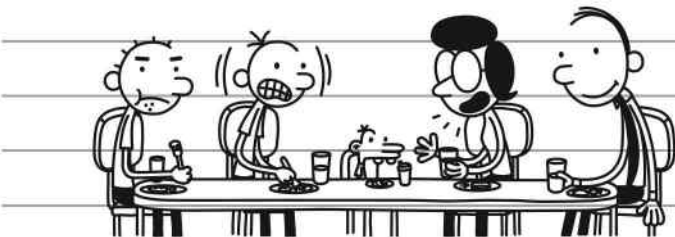

Мне неприятно представлять родителей такими, какими они были до того, как у них появились дети. И мне бы не ПРИШЛОСЬ, но мама каждый год на годовщину свадьбы достаёт их альбом с фотками.

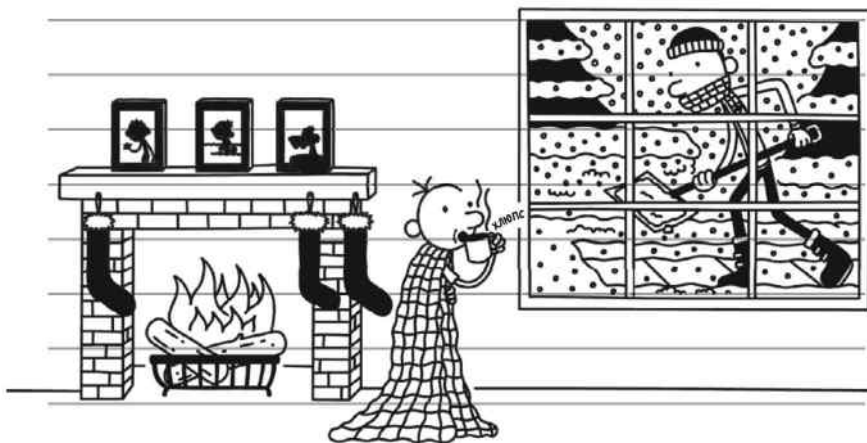
На следующий вечер родители сделали объявление. Они сказали, что в ЭТОМ году мы ПРОПУСТИМ Рождество и все вместе отправимся на Коралловый остров.

Я спросил, а сможем ли мы на курорте получить полагающиеся нам подарки? Мама ответила, что эта поездка и БУДЕТ для нас подарком.

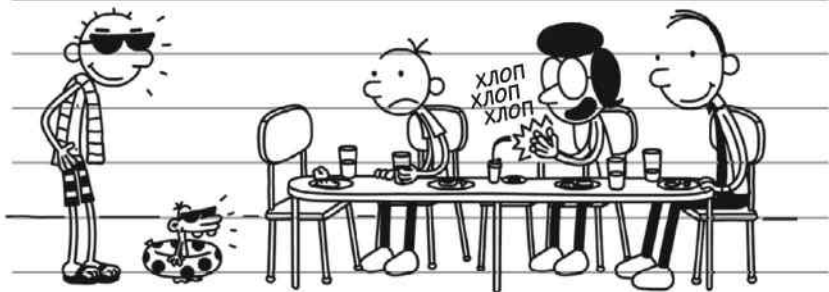

Я подумал, что это УЖАСНАЯ затея, и меня удивило, что папа не стал возражать. Он не любит тратить много денег, а я был уверен, что отдых на курорте будет стоить ЦЕЛОЕ СОСТОЯНИЕ. Но папа сказал, что ему до смерти надоел холод и он хочет сбежать куда-нибудь, где тепло.

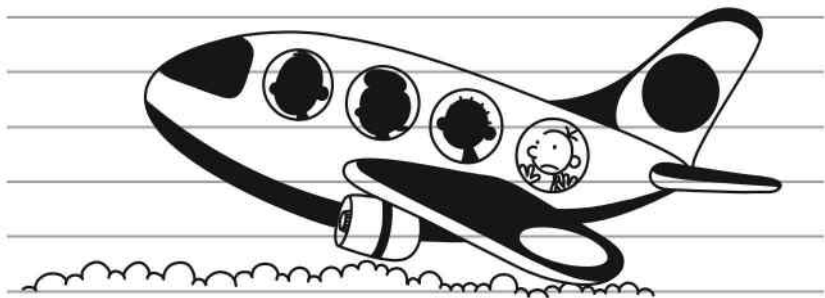
Лично мне холод нисколько не мешает. Наоборот, чем холоднее на улице, тем лучше я себя чувствую.

Я надеялся, что Мэнни и Родрик помогут мне вразумить наших родителей и мы зарубим эту идею на корню. Но от этих парней не было НИКАКОГО толку.

Поэтому мне пришлось смириться с тем, что нормального домашнего Рождества у нас не будет. БОЛЬШЕ ВСЕГО мне не нравилось то, что до этого места придётся лететь на САМОЛЁТЕ. Я никогда не летал на САМОЛЁТАХ, и меня совсем не радовало, что я буду заперт в металлической трубе.

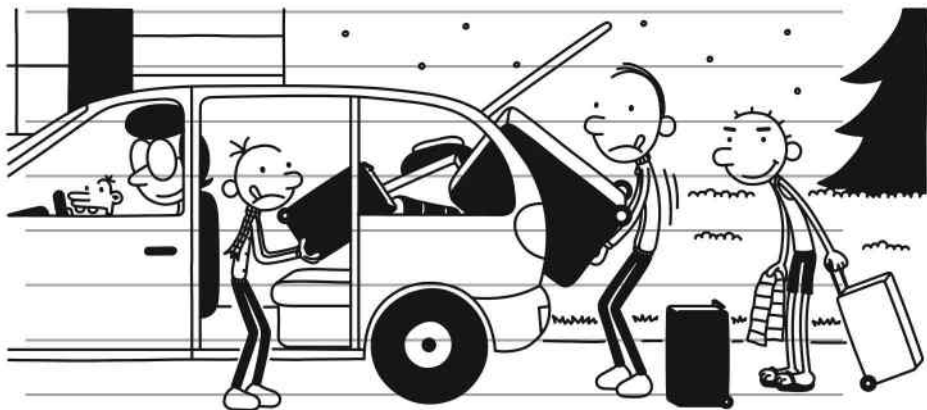

ОСТАЛЬНЫХ это, похоже, не беспокоило, и через две
недели, в тот самый вечер, когда мы, развесив носки
у камина, должны были сидеть у огня и смотреть
рождественский концерт, мы начали паковать чемода-
ны, чтобы «сбежать в рай».

Понедельник

Утром накануне Рождества мы вышли из дома около
8 утра. Папа был недоволен, потому что хотел, чтобы
мы вышли на час РАНЬШЕ. Но мама сказала, что
не надо смешить людей, мы и так приедем в аэро-
порт с большим запасом времени.

На улице было где-то минус шесть, но Родрик оделся
так, как будто уже приехал на курорт.

Папа оказался прав: нам действительно надо было вые-
хать из дома пораньше. В канун Рождества все, конечно,
спешат по своим делам, и поэтому дороги были ЗАБИТЫ
семьями, которые ехали навестить своих родственников.
Настроение у людей было далеко не праздничное.

А когда пошёл СНЕГ, то стало ещё хуже. Мы еле-еле
тащились. Родители начали спорить, когда нужно было
выехать из дома, и папа чуть не пропустил поворот
на аэропорт. Ему пришлось пересечь три полосы,
а сделать это было непросто.

Когда мы приехали в аэропорт, на главной парковке не оказалось свободного места. Это значило, что нам придётся оставить машину на дальней парковке, а до неё было довольно далеко. Папа сказал, что высадит нас у тротуара вместе с багажом, припаркует машину и вернётся к нам.

Когда мы подъехали к зоне высадки пассажиров, там был ПОЛНЫЙ хаос. Мы начали выгружать сумки, но копы разрешали останавливаться не больше, чем на тридцать секунд. Из-за этого все нервничали — и становилось только хуже.

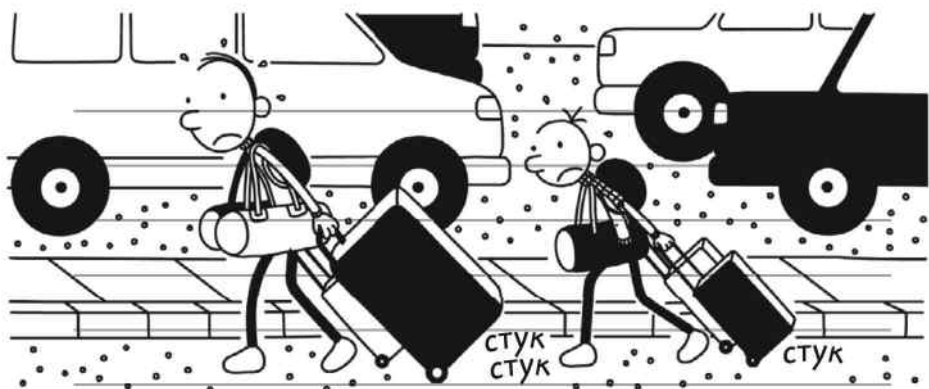
Мне пришлось снова залезть в машину, чтобы помочь папе с остальными вещами. Обычно этим занимается Родрик, но он отмазался, потому что оделся так, будто на улице было плюс двадцать пять.

Ему, конечно, повезло, что он ОТВЕРТЕЛСЯ. Когда мы оказались у шлагбаума парковки, папа не смог из своего окна дотянуться до талона. И поэтому велел мне выйти из машины и взять его.

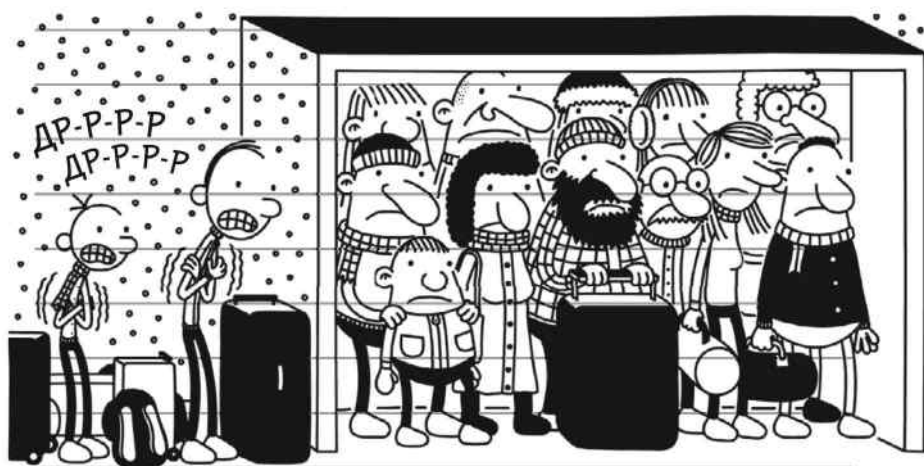
К несчастью, я не сразу заметил огромную лужу, которая была с моей стороны. А когда заметил, было уже слишком поздно.

Припарковавшись, мы покатали наши чемоданы к ближайшей автобусной остановке — это было тяжело.

На указателе было написано, что микроавтобус до главного терминала ходит каждые десять минут. Под крышей остановки для нас не оказалось места, и нам пришлось ждать на морозе.

Прошло двадцать минут, но автобус так и не появился, и папа начал беспокоиться, что мы можем опоздать. Он сказал, что до терминала придётся идти ПЕШКОМ, а это примерно полтора километра.

Я мог бы попытаться убедить папу подождать ещё
немного, но мой носок заledenел, а я не хотел полу-
чить обморожение.

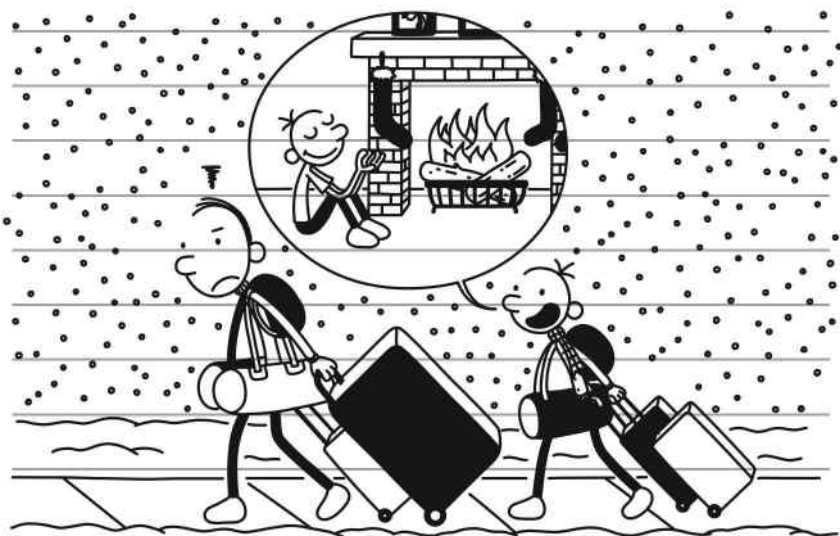
И, конечно же, не успели мы отойти от остановки
и пятидесяти метров, как на дороге появился автобус.
Мы показывали водителю, чтобы он остановился,
но он промчался мимо нас.

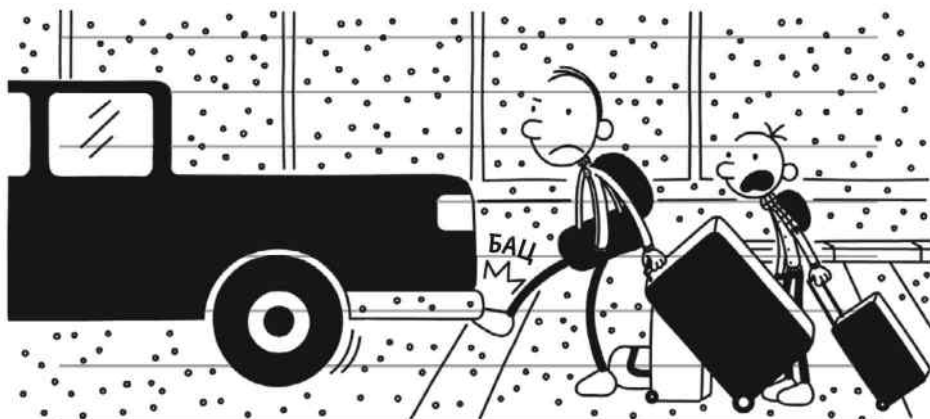
Мы ПОБЕЖАЛИ назад к остановке, но на автобус всё
равно не успели.

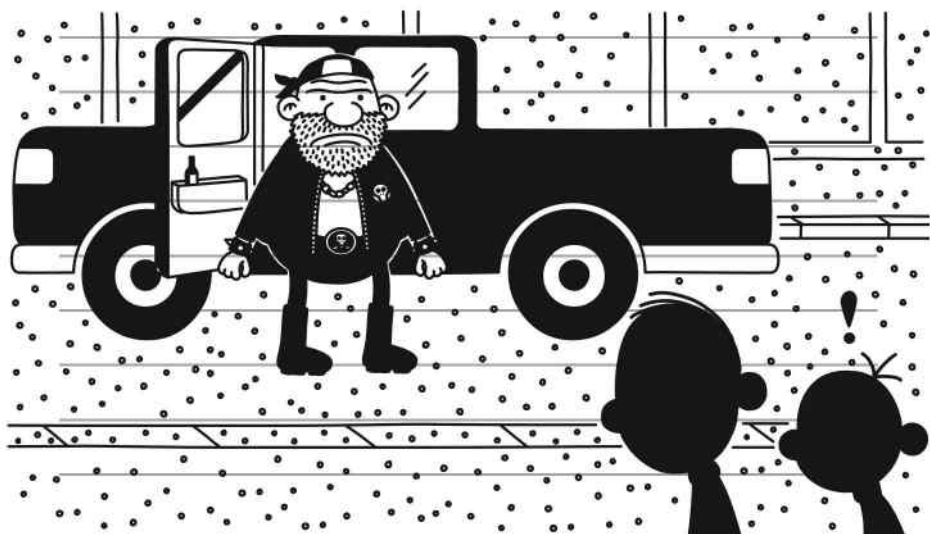
Папа ужасно боялся опоздать на рейс. Я сказал ему,
что опоздание на рейс — это не САМОЕ СТРАШНОЕ,
что может случиться в жизни, но папа был в плохом
настроении и не слушал, что я там говорю.

Когда мы добрались до терминала, мы были насквозь мокрые и чувствовали себя отвратительно. Поэтому, когда на зебре нас чуть не сбил фургон, папа СТРАШНО разозлился и сказал водителю всё, что о нём думает.

ВОДИТЕЛЬ пришёл в ярость — он остановил фургон и вышел из кабины.

Мы не стали задерживаться и выяснять отношения с этим парнем. Мы рванули в противоположную сторону и смешались с группой людей, которая стояла на тротуаре. И решили выждать, когда путь будет свободен.

Папа сказал, что я должен извлечь из этого урок: никогда не нужно терять самообладание и делать глупости. Но я извлёк из этого ДРУГОЙ урок: когда Хэффли попадают в переделку, Хэффли СПАСАЮТСЯ БЕГСТВОМ.

Мама с моими братьями ждала нас в холле терминала. Она хотела знать, куда мы пропали, а папа хотел знать, почему она вместе с Родриком и Мэнни не встала в очередь и не заняла нам место.

У стойки регистрации мы оказались только через двадцать минут. Папа поставил на весы наш большой чемодан, и девушка за стойкой сказала, что он очень тяжёлый и за него придётся доплатить.

Папа сказал, что авиакомпания грабит нас среди бела дня и мы не заплатим им ни ЦЕНТА. Мы вытащили из чемодана кое-какие вещи и распилили их по сумкам.

После того как мы всё рассортировали, у нас осталось полчаса, чтобы дойти до нашего выхода, прежде чем начнётся посадка. Когда мы оказались в зоне предполётного досмотра, у нас возникло ощущение, что мы попали в ЗООПАРК.

Там было две очереди: в одной стояли семьи с детьми, а в другой — те, кто летел в командировку.

Наверно, папа привык к тому, что, когда он летает по делам, его досматривают в зоне для командированных лиц, и потому был недоволен, что ему приходится вместе с нами торчать в очереди для семей с детьми.

Всякий раз, когда ты добавляешь к чему-нибудь слово «семья», то понимаешь, что ничего хорошего из этого не выйдет. Поверьте, я знаю, о чём говорю: ведь я бывал во многих семейных ресторанах!

Мы долго стояли в очереди в зоне досмотра и наконец оказались впереди. И тут какой-то парень, стоявший через пару рядов от нас, начал нажимать на кнопки турникетов, которые отделяли людей друг от друга.